

12+

СЕРГЕЙ ШМАЛЬ

Притяжение красной точки

Сергей Шмаль

Притяжение красной точки

«Издательские решения»

Шмаль С.

Притяжение красной точки / С. Шмаль — «Издательские решения»,

Андрей готовился к полёту на Марс пятнадцать лет. Но он не был готов к Яне — и к тому, что любовь держит крепче любой гравитации.

© Шмаль С.

© Издательские решения

Притяжение красной точки

Сергей Шмаль

© Сергей Шмаль, 2026

ISBN 978-5-0070-1040-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Если космос имеет причину, то и причине этой мы должны приписать
такие же свойства всеобщей любви*

Константин Эдуардович Циолковский

Когда тебе тридцать пять, а твой вестибулярный аппарат всё ещё способен отличить ложное ускорение центрифуги от настоящей перегрузки взлёта, ты начинаешь верить в собственную исключительность. Андрей Бармин верил в неё давно и прочно, как верят в таблицу умножения или в неизбежность бюрократии на Земле. Эта вера была выкована из тысяч часов тренировок, десятков параболических полётов, когда тело становилось чужим и невесомым, и из бесконечных сеансов в барокамере, где тишина звенит так, что слышно, как движутся суставы собственных пальцев.

Но была у этой веры и ахиллесова пята. И эта пята сейчас вкатывала тележку с капсулами прямо в зону декомпрессионных испытаний.

Её звали Яна. Фамилия у неё была самая простая, Смирнова, что вносило в образ какой-то дополнительный, необъяснимый диссонанс. Потому что Смирновых — легион, а такая Яна — одна. У неё были коротко стриженные, чуть выющиеся на висках пепельные волосы, какие-то невозможно серьёзные, почти детские глаза, которые, однако, очень точно подмечали любой промах, и привычка грызть дужку планшета, когда она сосредотачивалась. Даже сейчас, проходя через стерильный, залитый холодным безжалостным светом зал, она везла перед собой тележку с герметичными контейнерами и рассеянно покусывала пластиковый край, вглядываясь в цифры на экране.

Всё это было неправильно. Категорически, вопиюще неправильно.

Марсианская программа «Арес» была построена на жестком, почти военном принципе отбора и субординации. Ты — либо часть экипажа, либо часть обеспечивающего персонала. Никаких промежуточных состояний. Никаких романтических переменных в уравнении полёта. Андрей, как командир дублирующего экипажа (и почти наверняка — основного на следующий трансфер), был существом почти мифическим. Стажеры, лаборанты и даже некоторые врачи смотрели на него со смесью обожания и первобытного ужаса, словно он уже частично принадлежал другой планете. А эта девушка, появившаяся в Центре подготовки космонавтов всего два месяца назад в качестве младшего психолога-стажера по программе адаптации, смотрела на него иначе. Она смотрела на него так, словно он был не богом в огнеупорном комбинезоне, а сложной, но решаемой задачей.

И от этого взгляда у него почему-то сбивалось дыхание, которое не сбивалось даже при десятикратной перегрузке.

День начался с того, что Бармин чуть не угробил многомиллионный макет жилого модуля. Конечно, «чуть не угробил» — это громко сказано. Он просто, находясь в гипоксическом трансе, перепутал последовательность аварийного перекрытия клапанов. Не перепутал, а... выполнил в оптимальной, с его точки зрения, последовательности, которая сильно расходилась с утверждённым инженерами регламентом. Результатом стал визг аварийной сиг-

нализации и небольшое облако хладагента, которое, впрочем, система фильтрации поглотила за тридцать секунд. Начальник тренировочного комплекса, сухой, как палка венецианского жалюзи, полковник Селезнёв, долго смотрел на него через прозрачную переборку командного пункта. Потом нажал кнопку интеркома и произнёс только одно слово, растягивая его с каким-то садистским удовольствием:

— Бармин.

В одном этом слове было всё: и «я-же-говорил-не-импровизировать», и «мы-все-под-колпаком-у-Роскосмоса», и «где-ваш-хваленый-контроль».

— Это была проверка нештатной ситуации с потерей давления в контуре С, — спокойно ответил Андрей, стягивая перчатки. — Я действовал по логике отказа, а не по логике бумажки. Клапан К15 имеет инерцию срабатывания на полсекунды дольше. Если бы я ждал, модуль заполнился бы конденсатом.

Селезнёв помолчал. Поджал губы так, что они превратились в тонкую белую нить.

— Твоя логика, Бармин, разобрала бы энергоузел по винтикам за неделю на Марсе, — наконец выдал он. — Ладно. Свободен от тренажёров до конца смены. Психолог. К немедленному посещению.

И вот это было хуже всего. Не отстранение, а психолог. Это означало, что система заметила то, что он сам пытался игнорировать. Отклонение от протокола — это симптом. Симптом того, что внутренняя фокусировка сместилась. Он знал, куда она сместилась. Вернее, он знал, в чью сторону.

Теперь Яна стояла в трёх метрах от него, за прозрачной стеной испытательного блока, и загружала в анализатор пробирки с его слюной, взятой час назад. Даже здесь, в царстве хай-тека и холодного металла, она умудрялась выглядеть как нечто органичное и тёплое. От неё пахло чем-то сладковатым, напоминающим о детстве — ванилью и, кажется, солёной карамелью. Запах был настолько неуместным в стерильной атмосфере медико-биологического сектора, что у Андрея на мгновение закружилась голова. Это был обонятельный глюк, сбой матрицы.

Он подошёл к переборке и постучал костяшкой пальца по стеклу.

Она не вздрогнула. Просто подняла глаза, в которых на секунду мелькнуло что-то похожее на сочувствие, и нажала кнопку селектора.

— У вас смещённый кортизоловый индекс, Андрей Дмитриевич, — сказала она. Голос был ровным, как линия искусственного горизонта в спокойном море. — Это результат первого теста. Плюс поведенческий тест Дженкинса показал рост спонтанности решений на один и семь десятых процента.

Бармин усмехнулся. Спонтанность. Красивое слово для обозначения того, что он чуть не превратил тренажёр в космический сугроб.

— Один и семь — это в пределах погрешности, стажёр Смирнова, — нарочито официально ответил он, но глаза его сказали другое. Они сказали: «А тебе-то какое дело до моего кортизола?».

Ей было дело. В том-то и заключалась проблема. Два месяца назад она просто вносила его показатели в базу данных, и он был для неё просто графиком на мониторе. Потом случился день открытых дверей для студентов. Бармина, как одного из самых «медийных» астронавтов, попросили провести экскурсию. И он рассказывал сопливым юнцам о том, как пахнет в транспортном корабле «Орёл», и как выглядят звёзды без атмосферной ряби — как гвозди, вбитые в чёрный бархат. А потом он увидел её в толпе. Она не смотрела на него, как на икону. Она смотрела на демонстрационный стенд системы регенерации воды с таким же неподдельным восторгом, с каким дети смотрят на котят. И он вдруг почувствовал себя старым и очень уставшим человеком, который разучился удивляться трубам с мочой. Он захотел, чтобы она посмотрела так на него.

Глупо. Элементарно глупо. Начальник психологической службы мрачно пошутил бы, что это «эффект солёной карамели» — подсознательный поиск дофаминового подкрепления в условиях сенсорной депривации. Но Андрей знал, что это другое. Это было похоже на медленное притяжение.

— Я хочу провести повторный тест, — сказала Яна, перебирая жгуты и алкотестеры на своём столике. — Но для чистоты эксперимента мне нужно провести сессию когнитивной разгрузки. Не здесь. В оранжерее.

Бармин удивлённо поднял бровь.

— В оранжерее? Это часть протокола?

— Это часть моего протокола, — спокойно парировала она, и в этом ответе было столько стали, что он бы позавидовал конструкции спускаемого аппарата. — Вам нужна релаксация среди живых растений. Концентрация углекислого газа, фитонциды... и визуальный контакт с зелёным цветом. Стандартная психокоррекция. Или вы боитесь огурцов?

Она улыбнулась. И от этой улыбки, едва заметной, дрогнувшей в уголках губ, его защитные барьеры, выстроенные годами суровых тренировок, дали трещину. Тонкую, как волосок в гироскопе. Но достаточную, чтобы весь сложный механизм начал врать.

Оранжерея Центра подготовки была особым местом. Её построили как прототип марсианской биофермы — длинный, залитый розоватым светом фитоламп ангар, где рядами стояли стеллажи с карликовой пшеницей, салатом и клубникой. Пахло здесь влажной землёй и озоном. Это был единственный уголок в этом царстве пластика и титана, который не казался декорацией к фантастическому фильму. Здесь жизнь была настоящей, хрупкой и требовательной.

Они шли по узкому проходу между гидропонными лотками. Яна сняла белый халат, на ней был простой синий джемпер и джинсы. Сейчас она не выглядела как часть медицинской машины. Она выглядела как человек. Её пальцы скользили по шершавым листьям томатов, и она, чуть нахмурившись, комментировала калийную недостаточность у крайнего куста. Андрей слушал её голос, и ему казалось, что он снова слышит ту самую тишину, которая бывает только в паузах между сеансами связи с ЦУПом, когда ты висишь в невесомости, и весь мир — это только ты.

— Почему вы стали психологом? — спросил он, когда они остановились у миниатюрного пруда с карпами, которых разводили для экспериментов по замкнутой экосистеме.

— Потому что это единственная наука, где главный прибор находился бы так же далеко, как Марс, — не задумываясь, ответила она, глядя на сонных рыб. — Человеческая душа. И мне всегда хотелось понять, почему мы стремимся улететь так далеко. Не за ресурсами, нет. За одиночеством.

— За одиночеством? — переспросил Андрей. Он подумал о пустынях Ацидалийской равнины, которые видел только на снимках марсоходов. О красной, безжизненной пыли. — Это какой-то парадокс. Мы сбиваемся в стаи мегаполисов, боимся тишины, а потом строим корабли, чтобы улететь в абсолютное ничто.

— Мы бежим не от людей, — она повернулась к нему, и в её глазах заплясали фиолетовые блики ламп, — мы бежим от лжи. В космосе, Андрей Дмитриевич, нельзя врать. Кислорода мало, места мало... там всё сразу становится настоящим. Картошка — это жизнь. А человек — это либо напарник, либо обуза. И притвориться не получится.

— Это правда, — тихо сказал он. — На предполётных тестах мы проходим через «срывание масок». Специальная психологическая пытка, чтобы сделать нас прозрачными друг для друга.

— Вот только маски мы срываем не те, — она вдруг сделала шаг ближе. Так близко, что он уловил тот самый запах соленой карамели, смешанный теперь с ароматом свежей мяты из грядки. — Вы блестяще проходите все тесты на совместимость. Вы спокойны, как удав, и холодны, как жидкий азот. Но это тоже маска, Бармин. И знаете, в чём она состоит?

Он молчал. Слова застряли где-то на полпути между горлом и центром Брока.

— В том, что вы играете человека, которому никто не нужен. Но кортизол и норадреналин не умеют врать. Вы влюблены.

Андрей смотрел на неё и чувствовал, как гравитация Земли, которую он когда-то преодолевал с радостью, сейчас вдавливают его в ребристый пол оранжереи. Она произнесла это как клинический факт. Как медицинский диагноз. «У вас перелом лучевой кости». «Вы влюблены». Ничего личного. Но затем он заметил, что её пальцы, держащие край гидропонной грядки, чуть подрагивают. Это было микроскопическое движение, которое не зафиксировал бы ни один айтрекер. Но он его увидел. И всё понял.

Она тоже боится. Она тоже человек. И её личный протокол сейчас разлетается вдребезги так же весело, как его авторитет идеального командира.

— И какой же у вас прогноз по этому диагнозу, док? — спросил он хрипло, чуть наклонив голову. — Мы же оба знаем, что по уставу Центра... по контракту...

— К чёрту контракт, — внезапно резко сказала Яна, и это было так сильно, словно из ангела-регистратора она в один миг превратилась в обычную земную женщину, отчаянную и смелую. — Вы завтра сорвёте клапан, через неделю вы не пройдёте тест на бдительность. Я вижу ваши параметры. Вы не долетите до Марса, если будете и дальше носить это в себе. Это как гиря на ногах. Вам нужно... либо выбросить это, либо принять.

— Принять? — Андрей горько усмехнулся. — И что дальше? Написать рапорт? Меня спишут с программы, едва психологи узнают об аффективном фоне. Ты же знаешь правила. Эмоциональная привязанность — это фактор риска для миссии. Если я признаю, что люблю тебя, мой билет на Марс превратится в направления в тыкву на грядке.

Он сам не заметил, что перешёл на «ты». Это вырвалось как естественное продолжение дыхания.

— Значит, мы сделаем так, чтобы никто не узнал, — тихо сказала Яна.

В этих словах было столько же безрассудства, сколько в его «оптимальной логике отказа клапанов». Это был заговор. Прямо в стенах Центра, где каждый шаг фиксируется датчиками, а пульс транслируется на пульт дежурного врача.

— Мы? — переспросил он, чувствуя, как холодная корка его цинизма, наконец, окончательно трескается и отваливается кусками. — Ты сказала «мы»?

— Я — твой личный психолог-стажёр, — она вздёрнула подбородок. В этот момент от её мягкости не осталось и следа. Это была женщина, которая решила обмануть систему ради одного человека. — Я могу корректировать данные в пределах допустимой статистической погрешности. Пока ты будешь держать себя в руках на людях, я смогу прикрывать наши... твои тылы. Пики кортизола будем списывать на перетренированность. Повышенное давление — на избыток натрия в рационе.

— Ты предлагаешь мне фальсифицировать медицинские данные? — медленно, почти по слогам произнес он. — Ради того, что у нас даже нет шанса на полноценные отношения? Я улечу через три месяца. Обратный билет — через два года, если повезёт, и при условии, что я выдержу полёт и посадку. Ты понимаешь, что мы влезает в историю, где нет хэппи-энда? Только пинг в сорок пять минут и голос, превращённый в цифру?

— Я понимаю, — её голос стал глухим, она опустила взгляд на рыб, которые лениво шевелили плавниками в замкнутой экосистеме. — Но я ещё кое-что понимаю. Я смотрела записи всех твоих погружений в изоляцию. Ты всегда просил ЦУП включать запись шума дождя. Не ветра, не моря. Дождя. Ты — человек, который скучает по Земле ещё до того, как её покинул. И я знаю, что на Марсе нет дождя. Там вообще ничего нет, кроме красного песка и холода. И ты к этому готовишься всю жизнь. Но если ты не примешь эту любовь перед полётом, ты просто сгоришь там. Не от радиации. От пустоты.

— А ты? — спросил он. — Для чего это тебе?

Вопрос повис в воздухе, как пыльца с цветущей клубники. Яна подошла к нему вплотную. Теперь между ними не было стекла. Она встала на носочки и, глядя ему прямо в зрачки, сказала то, от чего у него, человека с двумя высшими техническими образованиями и налётом в тысячу часов, просто остановилось сердце.

— Потому что это мой Марс, Бармин. Каждый человек имеет право на свой персональный, никому не понятный и абсолютно безнадёжный Марс. Мой — здесь. И я хочу, чтобы ты долетел до своего.

Сигнализация сработала неожиданно. Вспыхнули красные лампы автополива, и оранжевая наполнилась шипением распыляемой воды. Облако мельчайших капель накрыло их, создав искусственный туман. В этом розовом, влажном мареве, пахнущем огурцами и мятой, он сделал то, чего не должен был делать по всем статьям военно-космического кодекса и законам небесной механики.

Он поцеловал её.

Это был не голливудский поцелуй. Это был поцелуй двух сообщников, скрепляющих сделку, от которой зависят их жизни. Вкус солёной карамели смешался с привкусом озона и эфирных масел. В этот момент он понял, что впервые за последние пять лет его мозг абсолютно, тотально отключил систему самоконтроля. Датчики на его запястье, должно быть, сошли с ума, рисуя кривую пульса где-то в зоне турбулентности. Где-то далеко, в медицинском крыле, на мониторе дежурного врача, наверняка мигнул красный индикатор.

Через несколько секунд они отстранились друг от друга. Яна поправила джемпер, посмотрела на свои наручные часы-терминал и профессиональным, совершенно спокойным движением смахнула с экрана несколько строк.

— Сбой телеметрии, — пояснила она хладнокровно. — Помехи от системы аэрации. Всё в порядке, Бармин. Вы прошли релаксационный тест. Показатели стабилизировались.

Она развернулась и пошла к выходу из оранжевой, оставляя на мокром полу следы от подошв. Андрей остался стоять под дождём из фито-установки и смотреть в спину девушке, которая только что переписала код его жизни. Марс замаячил на горизонте не как геологическая цель, а как точка невозврата.

Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Руки профессионала. Впереди его ждал самый сложный экзамен в истории программы — ручная стыковка на симуляторе в условиях отказа оптики. Ошибка стоила бы ему карьеры.

Теперь же каждая секунда полёта, каждый грамм топлива и каждый удар сердца приобрели новую, пугающую и сладкую ценность. Он больше не готовился умереть на Марсе. Он готовился жить.

Вечером того же дня, сидя в своей каюте модуля «Заря-2», имитирующего марсианскую базу, он открыл бортовой журнал. Пальцы зависли над сенсорной клавиатурой. Ему нужно было написать стандартный отчёт для Селезнёва. Вместо этого он вывел только одну строчку, которую тут же стер, но которая навсегда впечаталась в резервную память модуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.